

Глава 4

ТРЕНТОН

Я ждал за дверью, слушая, как Камилла пытается не заплакать. Каждый месяц был нескончаемым циклом от надежды до опустошения, и почти восемь лет в нашем браке, она отчаялась.

Свет был тусклым. Ей нравилась эта темнота, когда ее душа чувствовала себя черной, так что я потянул шторы, когда прошли три минуты, а она не сказала ни слова. Сейчас ничего не оставалось, только ждать, слушать и присматривать за ней.

Мы жили в маленькой двушке, всего шесть кварталов от папы и Олив. Спальня, как и весь дом, была яркой и в стиле минимализма с интересными картинами или моими рисунками. Мы перекрасили стены и положили новый паркет, но дом был старше, чем мы. Хотя на момент покупки это была кража, верхний крепеж превратился в денежную яму. Центральное отопление и большая часть водопроводной системы были новыми. В какой-то момент мы должны были отогнуть новый – но влажный – паркет, чтобы с помощью перфоратора через фундамент добраться до труб и заменить их. Последние десять лет были долгими, но сейчас мы жили в почти новом доме, даже если нам приходилось потратить все наши сбережения уже четыре раза, чтобы это было так. Мы были в хорошем месте, наконец-то, и никто из нас не знал, что с этим делать, но переходил к следующему шагу.

Бесплодие не было чем-то, что мы могли починить, и это делало Камиллу чувствовать себя сломленной.

- Детка, - сказал я, постучав костяшками пальцев по двери. – Позволь мне зайти.

- Просто ... просто дай мне секунду, - сказала она, вздыхая.

Я прислонился лбом к двери. – Ты не можешь продолжать делать это с собой. Я думаю, может это ...

- Я не сдаюсь! – рявкнула она.

- Нет. Может, попробуешь другой путь.

- У нас нет другого пути, - сказала она. Ее голос был даже тише, чем до этого. Она не хотела заставлять меня чувствовать себя хуже, чем я уже чувствовал.

- Я разберусь.

После нескольких моментов тишины, дверь щелкнула, и Камилла открыла дверь. Ее покрасневшие глаза полуприкрыты, и красные вкрапления

разошлись по ее лицу. Она никогда не была красивее, и все, что я хотел сделать, это поддержать ее, но она не хотела позволить мне этого. Она бы претворилась, что ее сердце не разбито, чтобы оградить меня от боли, как она всегда делала - не имеет значения, как много раз я говорил ей, что плакать нормально.

Я коснулся ее щеки, но она отстранилась, ее рисованная улыбка угасает достаточно долго, чтобы поцеловать мою ладонь. — Я знаю, ты сделаешь. Мне просто нужно было понять.

- Ты можешь ныть и вне этой комнаты, барби.

Она покачала головой. — Нет, не могу. Мне нужно было побыть с собой наедине.

- Потому что иначе ты беспокоилась бы обо мне, - поругался я.

Она пожала плечами, ее напускная улыбка стала на миг настоящей. — Я пыталась измениться. Я не могу.

Я притянул ее к груди, крепко держа. — Я бы не хотел этого. Я люблю свою жену такой, какая она есть.

- Камилла? — сказала Олив, придерживая одну сторону дверного косяка. Ее платиново-блондинистые волосы до талии струились волнами от центра ее лица, заставляя казаться ее грусть еще более тяжелой, чем она когда-либо была. Ее круглые зеленые глаза блестели, которые чувствовали каждое разочарование, каждую неудачу также глубоко, как и мы, потому что она тоже была семьей. Случайно и по крови, знала она это или нет.

Пока я смотрел на нее, прислонившуюся нежными чертами лица к деревянной отделке, я вспомнил, ошарашенный правдой: Олив, моя соседка и маленькая подружка с тех пор, как я стал ходить, приспособилась и как-то ее биологическая мать влюбилась в моего старшего брата Тейлора почти в тысячи миль отсюда в Колорадо Спрингс. По случаю, я помог вырастить мою племянницу — я был вовлечен в ее жизнь больше, чем мой брат или сводная сестра.

Камилла посмотрела на Олив и выдохнула маленький смешок, отталкиваясь от меня, одновременно облизывая ее большие пальцы и затем вытирая грязную тушь из-под ее глаз. Ее волосы были длиннее, чем в то время, пока она была девочкой, достигающие середины ее спины и такого же оттенка, как у Олив, с бритым местом прямо над ее ухом, чтобы оно было "острым". Я просто переделал тату на ее пальцах — самая первая тату, которую я сделал для нее, и ее самая первая тату вообще. Это читается, как Куколка, прозвище, которое я дал ей раньше в наших отношениях, и это как-

то приелось. Как бы сильно она не пыталась не быть такой, Камилла была классической красоткой. Имя подходило ей тогда также, как и сейчас.

- Я в порядке, - сказала Камилла, с вздохом облегчения. – Мы в порядке.

Она прошла к дверному косяку, чтобы быстро обнять Олив, и потом затянула сложенный темно-синий платок, который она использовала в качестве повязки на голову. Она фыркнула, боль заметно угасла и исчезла. Моя жена была той еще штучкой.

- Ками, - начал я.

- Я в порядке. Мы попытаемся снова в следующем месяце. Как папа?

- С ним все хорошо. Мы с ним болтаем. Становится труднее вытащить его на улицу со мной. Томми и Лиз ждут нового ребенка... - я затих, ожидая неминуемой боли в глазах Камиллы.

Она подошла, обхватила мои щеки и затем поцеловала меня. – Почему ты смотришь так на меня? Ты действительно думаешь, что меня это беспокоит?

- Может... может быть, если бы ты вышла за него... у тебя был бы свой собственный сейчас.

- Я не хочу своего собственного. Я хочу нашего ребенка. Твоего и моего. Если нет, значит, никого.

Я улыбнулся, чувствуя подступающий комок к горлу. – Да?

- Да. – Она улыбнулась, ее голос звучал расслабленно и счастливо. Она все еще надеялась.

Я коснулся маленького шрама на ее голове, возле волос, того, который никогда не давал мне забыть, как же близко я был к тому, чтобы потерять ее. Она закрыла глаза, и я поцеловал зазубренную белую линию.

Зазвонил мой телефон, так что я отошел от нее немного и схватил телефон с тумбочки. – Привет, пап.

- Ты слышал? – спросил он, он звучал немного хрипло.

- Что? Что ты звучишь как ад? Ты успел заболеть за последние пару часов?

Он прочистил горло, а затем хихикнул. – Нет, нет... каждый дюйм меня просто старее грязи. Как Ками? Беремена?

- Нет, - сказал я, потирая затылок.

- Пока. Это случится. Почему вы двое не пришли на ужин? Верни Олив.

Я посмотрел на моих девочек, а они уже кивали. – Да. Мы с удовольствием, пап. Спасибо.

- Вечер жаренной курочки.

- Скажи ему не начинать без нас, - сказала Камилла.

- Пап...

- Я слышал ее. Я просто побью их и приправлю, а картошку положу в духовку.

Камилла поморщилась.

- Хорошо. Мы скоро будем.

Камилла бросилась кругом, пытаясь выйти из двери, чтобы ударить папу за духовку. Он не раз оставлял печь включенной, падал не раз и, казалось, не смутился, когда ушел. Камилла проводила почти все свое свободное время, пытаясь помочь ему избежать несчастных случаев.

- Могу я повести? – спросила Олив.

Я съежился.

Она озорно улыбнулась. Я застонал, уже зная, что она собирается сказать.

- Повалуйста, Твент? – заскулила она.

Я поморщился. Я обещал Олив, когда она получила права, что я позволю ей покатасть меня, когда ей будет восемнадцать, и ее день рождения был несколько месяцев назад. Это было как вторая натура, говорить девушкам за рулем нет. Я никогда не попадал в аварии, даже когда был подростком. Две, в которых я был, были ужасны, и оба раза были с женщинами, о которых я очень сильно заботился.

- Черт подери, ладно, - поклялся я.

Камилла протянула ей кулак, и Олив стукнула ее в ответ.

- Ты вернула свои права? – спросила Камилла.

Олив ответила, подняв маленький коричневый кожаный браслет. – Мой новый студенческий билет в Восточном штате тоже там.

- Хей! – сказала Камилла, хлопая. – Как круто! – Она посмотрела на меня с обманчивым извинением в ее глазах. – Ты обещал.

- Не говори, что я не предупреждал тебя, - проворчал я, бросая ключи Олив.

Олив сжала ключи обеими руками, а потом хихикнула, подбегая к двери и выходя к подъездной дорожке, где стоял грузовик Камиллы. Когда я спускался по каменной дорожке, я сказал Олив запрыгивать и натянуть ремень безопасности, пристегнуться и схватить руль обеими руками.

- Ой, стоп. Тебе не везет. – Камилла открыла пассажирскую дверь ее четырехместной Toyota Тасома, а затем открыла заднюю дверь. Она пристегнулась, как только я сел позади Олив. Она тут же подсоединилась по Bluetooth свой телефон к стереосистеме, тщательно выбирая песню. Как только музыка зазвучала, Олив повернула ключ зажигания и включила задний ход. Новая волна энергии осела вокруг нас. Камилла погладила мои плечи на секунду в такт бьющемуся из динамиков ритму.

- Может, нам стоит выключить шум и дать Олив сосредоточиться, – сказал я.

Массаж Камиллы превратился в игровое отбивное каратэ. – Шум?

Если бы я не видел этого, я бы никогда не узнал, что она плакала в нашей ванной десять минут назад. Она восстанавливалась быстрее с каждым разом, но часть меня думала, было ли это реально, или она просто лучше стала скрывать это.

Как только мы подъехали к отцу, я заметил, как в небе к западу от города накапливаются грозовые тучи. Томас и Лиз скоро прилетели со своим новым ребенком, так что я проверил свой телефон на семидневный прогноз - что-то, чего бы не случилось со мной десять лет назад. Забавно, как время и опыт полностью переваривает твой мозг для того, чтобы думать о чем-то другом, а не о себе.

Папа не ждал на крыльце как обычно, побуждая Камиллу к проклятиям.

- Чертов Джим Мэддокс! – сказала она, жестом показав, что ей нужно, чтобы я открыл быстрее дверь. Она выбралась на газон, побежала быстрее к крыльцу, прыгая по ступеням, и рывком открыла шаткую дверь-ширму.

Олив припарковалась и бросила мне ключи, волнуясь. – Схожу по соседству, скажу маме, что обедаю с папкой.

Я кивнул, чувствуя маленький ком в горле. Все внуки звали папу папкой, и я любил то, что Олив делала также, хотя она не знала, насколько была права.

Я пошел за Камиллой в дом, воображая, что мы там можем найти. Краска на крыльце отслаивалась, и я сделал себе пометку в мозгу, принести мой шлифовальный станок. Дверь-ширма едва держалась, так что я добавил и ее тоже в свой список. Мама и папа купили дом, когда они впервые женились, и было почти невозможно получить его, чтобы сделать нам в нем ремонт.

Мебель и ковер были те же, как и краска. Мама делала дизайн, и папа не хотел позволять кому-либо идти против ее желаний, даже если она ушла из жизни почти тридцать лет назад. Как и папа, дом был настолько старым, что становился нездоровым и, в некоторых случаях, опасным, так что за последние несколько месяцев Камилла и я решили начать ремонт, не спрашивая.

Так как прихожая открывала проход в кухню, я видел, как Камилла побежала к папе, ее руки были перед ней.

Он склонился, чтобы положить картошку в фольге в духовку.

- Пап! – взвизгнула Камилла. – Дай сделать это мне!

Он быстро запихнул ее внутрь и закрыл дверь, встав и расплывшись в улыбке.

Камилла вытащила пару прихваток из ящика, бросив их в него. – Почему ты не используешь прихватки, которые я купила тебе? – Она подошла, осматривая его перевязанные руки.

Он поцеловал ее костяшки. – Я в порядке, малышка.

- Ты спалил их в прошлый раз, - сказала она, извиваясь из его рук, чтобы еще раз осмотреть раны под его бинтами. – Пожалуйста, используй прихватки.

- Ладно, - сказал он, похлопывая ее руку. – Ладно, сестренка. Я буду пользоваться прихватками.

Камилла начала открывать дверь кухонного шкафа, чтобы найти масло, когда увидела, что голени уже были облиты специальной папиной смесью из муки и лежали на бумажных полотенцах рядом с кастрюлей на плите.

Она отмахнулась от нас. – Идите. Я займусь этим. Да, пап, я уверена, - сказала она, как только папа открыл рот, чтобы спросить.

Он хохотнул. – Тогда ладно. Домино.

- Тебе не надоело проигрывать? Мы играли в домино два часа сегодня днем.

- Да? – спросил папа. Он потряс головой. – Я не могу вспомнить, чтобы я большинство дней вытирал свой зад.

Я моргнул, удивленный тем, что он не помнит, но он не выглядел обеспокоенным.

- Тогда карты? – спросил он.

- Нет, мы можем поиграть в домино. Я все равно должен тебе реванш.

Гром прокатился на расстоянии, когда мы сели за стол. Парадная дверь открылась и закрылась, а затем Олив появилась в конце коридора, отряхивая руками себя со всех сторон от капель. – О. Боже. Мой.

Я разразился смехом. – Ты слышала о зонтике, У?

Она закатила глаза, топая, чтобы сесть на кухонный стул рядом со мной. – А когда ты перестанешь звать меня так? Никто так не получается.

- Ты получаешься, - сказал я. – Насколько трудным это может быть? Твои инициалы О.О. Вместе они звучат У. Как му. И ту. – Я перевел взгляд на потолок. – Шу. Бу. Ку. Гу. Пу. Я могу продолжить.

- Не надо, пожалуйста, - сказала она, собирая домино и кладя их в ее тонкие пальцы. Было все тяжелее и тяжелее ее впечатлить. Она привыкла думать, что я был богом.

- Оу! Блин! – вскрикнула Камилла из кухни.

Я оттолкнулся от своего кресла, стоя на полпути. – Ты в порядке, детка?

- Да! – ответила она, появившись в своей куртке и с ключами в руке. – Выйду за маслом.

- Но я только купил его в прошлую пятницу, - сказал я, смотря на папу.

- Ой. Ну да. Оно кончилось в воскресенье.

Я нахмурился. – Мы ели бутерброды на обед и пиццу на ужин в воскресенье. Ты не готовил курицу.

Он отразил мое выражение лица. – Хорошо, блин, в один из дней.

- Я собираюсь добежать до магазина. Нужно еще что-то? – спросила Камилла.

- Ками, там ливень, - сказал я несчастливо.

- Я знаю, - сказала она, поцеловав меня, прежде чем выйти за дверь.

Папа взял домино с полки, пока мы болтали. Он спрашивал меня о том, что уже спрашивал раньше, и я начал думать, был ли забывчивым все время и я просто не замечал этого, или же его память становилась хуже. В эту пятницу он был у врача. Я спрошу у него об этом позже.

Мой телефон завибрировал. Я прижал трубку к уху. – Привет, пизденка!

- Они просто становятся лучше, - не впечатлено сказал Томас на другом конце провода.

- Христос на байке, Трентон, - рассердился папа, кивая Олив.

Я подмигнул ему. Шокировать его своими ругательствами стало спортом.

- Как мама и малыш? – спросил я.

- Мы направляемся домой, - ответил Томас. – Я думал... Я думал мы соберемся раньше, чем ожидалось.

- Все нормально? – спросил я, заметив огромный интерес папы. Я отмахнулся от него, уверяя, что ничего не случилось.

- Да... да. Есть новости от Трэва? – спросил Томас.

- Нет. А что?

Томас был загадкой, сколько его помню, и вопросы только размножились, когда он стал взрослым.

Папа уставился на меня, одновременно терпеливо и нет ожидая объяснений. Я поднял палец.

- Просто любопытно.

- Ты собираешься посадить новорожденного в самолет? Я знал, что ты храбрый, большой брат, но черт.

- Мы подумали, папа захочет увидеть ее.

- Да. Папа с удовольствием познакомился бы со ... - Мой разум остановился.

- Стелла, - шепнула Олив.

- Со Стеллой! – повторил я. – Папа с удовольствием познакомился бы со Стеллой. – Папа дал мне подзатыльник. – Ау! Что я такого сказал?

- Ну мы будет завтра, - сказал Томас, игнорируя цирк на другом конце провода.

- Завтра? – сказал я, смотря на папу. – Так быстро, хах?

- Да. Скажи папе не беспокоиться. У нас будет, где остановиться, когда мы прибудем.

- Ками приготовила гостевую комнату. Она знала, вы бы провели больше времени с ребенком. Она даже взяла подгузники.

- Она купила подгузники и игрушки для Стеллы? Серьезно? – спросил Томас. – Это было мило с ее стороны. Как она... это мило, да.

- Да, - сказал я, вдруг чувствуя неловкость. – Мы увидимся завтра, надеюсь.

- Скажи папе, я люблю его, - сказал Томас.

- Он тоже, мешок дерьма.

Томас сбросил трубку, и я широко улыбнулся папе. Две линии между его глазами стали глубже.

- Мне надо бы шлепать тебя почаще, - сказал папа.

- Да, надо бы. – Я посмотрел на домино. – Ну? Они не перемешают себя сами.

Я уселся на обеденный стул, золотисто-коричневая кожа издала пукающие шумы под моими джинсами. Хотя я переехал, Камилла и я навещали папу по крайней мере раз в день, обычно больше. Трэвис навещал, когда он не путешествовал по работе. Я посмотрел вверх на полку, которая висела под потолком, заполненная пыльными покерсткими наградами и знаменитыми фотографиями наших любимых игроков. Появилось немного паутины. Надо забраться туда и убрать пыль. Не хочу, чтобы старый мужик упал и сломал себе бедро.

- Ками ничего не сказала о тесте сегодня, - сказал папа, двигая домино по кругу на столе.

- Да, - сказал я, пялясь на белую прямоугольную плитку будто она медленно кружится под папиными руками, двигаясь внутрь и наружу пачки. – Это ежемесячная штука сейчас. Я думаю, она устала говорить об этом.

- Понимаю, - сказал папа. Он бросил косой взгляд на Олив, и я знал, он выбирал аккуратно следующие слова. – Вы были у врача?

- Ужасно, - сказала Олив, противясь этому несмотря на его усилия. Она больше не была маленькой девочкой.

- Нет еще. Я думаю, она боится услышать, что это что-то постоянное. Честно, как и я. По крайней мере сейчас у нас есть надежда.

- Надежда еще есть. Даже худшие обстоятельства имеют серебряную подкладку. Жизнь не линейна, сынок. Каждый выбор, который мы совершаем, или каждое влияние дает ответвление от линии, на которой мы сейчас находимся, и в конце этой ветки есть другая. Это просто серия чистых листов, даже после ужасных бедствий.

Я взглянул на него. – Это то, как ты себя чувствуешь после смерти мамы?

Олив испустила крошечный вздох.

Папа напрягся, подождав немного, прежде чем ответить. – Через какое-то время после маминой смерти. Я думаю, мы все знаем, я не делал много правильного после.

Я дотронулся до его руки, и плитка прекратила вращаться. – Ты делал всегда то, что мог. Если бы я потерял Ками... - Я затих, мысль заставила мой желудок содрогнуться от боли. – Я не знаю, как ты выжил после этого, пап, немногим проще собраться, чтобы вырастить пять мальчишек. И ты сделал это, ты знаешь. Ты собрался. Ты замечательный отец.

Папа прочистил горло, и плитка снова начала вращаться. Он остановился ровно для того, чтобы вытереть слезу с глаз под его очками. – Ну что ж, я рад. Ты заслужил это. Ты замечательный сын.

Я похлопал его по плечу, и затем мы подняли свои кости из колоды и поставили их на бок, отворачивая от друг друга. У меня была дерьмовая рука.

- Серьезно, пап? Seriously?

- Ох, прекрати ныть и играй, - сказал он. Он пытался звучать строго, но его маленькая ухмылка выдавала его. – Хочешь сыграть, Олив?

Олив помотала головой. – Нет, спасибо, папка, - сказала она, возвращаясь к телефону.

- Лучше бы она играла в домино, чем в эту штуку, - подразнил папа.

- Покер, - Олив откинулась назад.

Папа улыбнулся.

Я повернулся посмотреть на наш последний семейный портрет, который был сделан до того, как мама узнала, что больна. Трэвису только исполнилось три. – Ты все еще скучаешь по ней? Ну то есть... как и раньше?

- Каждый день, - сказал папа без сомнений.

- Помнишь, как она делала щекотного монстра? – спросил я.

Уголки папиного рта потянулись вверх, а затем его тело стало трястись от неконтролируемого смеха. – Это было забавно. Она не была уверена, была она инопланетянином или гориллой.

- И тем, и другим, - сказал я.

- Гоняя за собой всех пятерых по дому, сгорбившись, как примат, и превращая свои руки в присоски прищельцев.

- Затем она ловила нас и ела наши подмышки.

- Теперь это любовь. Вы, мальчишки, воняли как гниющие тушки в хороший день.

Я рассмеялся. – Это было всего раз, когда мы могли попрыгать по мебели и не получить за это по задницам.

Папа насмехался. – Она бы вас не отшлепала. Взгляда бы хватило.

- Ох, - сказал я, вспоминая. – Взгляд. – Я вздрогнул.

- Да. Из-за нее это выглядело легко, но сначала она должна была вселить в вас здоровый страх. Она знала, что когда-то вы все станете больше, чем она.

- Я? – спросил я. – Больше, чем она?

- Она была мелочью пузатой. Примерно, как Эбби. Может даже еще и не такой высокой.

- Тогда откуда взялся гигантизм Трэвиса? Ты и дядя Джек – раздутые бурундуки.

Папа взвыл. Его живот подпрыгнул, заставляя стол покачиваться. Мои домино упали, и я тоже засмеялся, не имея возможности поставить их обратно. Олив прикрыла свой рот, ее плечи тряслись. Как только я стал ставить на место домино, подъехала машина. Гравий на подъездной дорожке захрустел под шинами, мотор заглох. Минутой позже кто-то постучался в дверь.

- Я открою, - сказала Олив, оттолкнувшись от кресла.

- Упс, - сказал я, вставая. – Ками вернулась. Лучше помогу ей с покупками.

- Хороший мальчик, - сказал папа, кивнув и подмигнув.

Я вошел в коридор и застыл. Олив держала дверь открытой, уставившись на меня и побледнев, с обеспокоенным выражением лица. За ней на крыльце стояли два мужчины в костюмах и мокрых пальто.

- Пап? – позвал я его из столовой.

- Действительно, - сказал один из мужчин. – Вы Трентон Мэддокс?

Я сглотнул. – Да? – Прежде чем кто-либо из них снова заговорил, вся моя кровь отлила от лица. Я попятился. – Пап? – позвал я, на этот раз неистово.

Папа положил его руку на мое плечо. – Что такое?

- Мистер Мэддокс, - сказал один из мужчин, кивнув. – Я агент Блевинс.

- Агент? – спросил я.

Он продолжил. – Мы пришли с печальными новостями.

Я потерял равновесие, припав спиной к плоскости напротив панельной стены. Я медленно полз вниз. Олив опустилась ко мне, хватая мои руки и готовя нас к альтернативной, болезненной реальности. Она крепко держалась, привязывая меня к настоящему, к моменту времени, прежде чем все рухнуло. Я знал в глубине моего желудка, что не надо было позволять Камилле садиться за руль в дождь. Я несколько дней чувствовал себя не в своей тарелке, зная, что надвигается что-то плохое. – Не говорите, блять, этого, - простонал я.

Папа медленно встал на колени возле меня, положив ладонь на мое колено. – Сейчас, подожди. Дай им сказать, что они должны. – Он посмотрел вверх. – Она в порядке?

Агенты не ответили, поэтому я тоже посмотрел вверх. У них было то же выражение лица, что и у Олив. Моя голова упала вперед. Во мне кипела ярость.

Мешок упал и стекло разбилось. – О, мой Бог!

- Ками! – заплакала Олив, выпуская мои руки.

Я уставился на нее в неверии, встав на колени перед тем, как обхватить ее за талию. Папа выдохнул в знак облегчения.

- Он в порядке? – спросила Камилла. Она отстранилась от меня, чтобы всего осмотреть. – Что произошло?

Олив стояла и держала папу.

- Я думал, ты... они... - Я затих, все еще не в состоянии завершить связное предложение.

- Ты думал, я что? – спросила Камилла, хватая каждую сторону моего лица. Она посмотрела на папу и Олив.

- Он думал, они здесь, чтобы проинформировать нас, что ты... - папа присмотрелся к агентам. – Тогда для чего вы здесь, в Сэм Хилл? Что за печальные новости?

Агенты переглянулись между собой, наконец поняв мою реакцию. – Нам очень жаль, сэр. Мы пришли, чтобы проинформировать Вас о вашем брате. Агент Линди попросила донести новости прямо до Вас.

- Агент Линди? – спросил я. – Вы имеете ввиду Лиз? Что о моем брате?

Папины брови взметнулись вверх. – Трентон... позвони близнецам домой. Сейчас же.

Глава 5

ТРЭВИС

ЭББИ СТОЯЛА У ОКНА рядом с передней дверью нашего французского провинциального дома, выглядывая из-за серых отвесных занавесок, которые она повесила пять лет назад, чтобы заменить старые, которые она повесила за три года до этого. Гораздо больше поменялось за последние одиннадцать лет, чем только шторы. Свадьбы, рождения, смерти, вехи и истины.

Мы праздновали рождение наших близняшек и оплакивали смерть Тото. Он был для близняшек личным телохранителем, следующим за ними везде и спящим на коврике между сначала их детскими колыбельками, а затем их кроватками. Шерсть вокруг его глаз начинала седеть, а потом ему становилось все труднее идти с ними в ногу. Его похороны стали вторыми, которые я когда-либо посещал. Мы похоронили его на заднем дворе, под брэдфордской грушей стояло его надгробие.

Всего через пару месяцев на нашу одиннадцатую годовщину Эбби призналась, что знает, что я работаю на ФБР. Беременная нашим третьим ребенком, она передала мне конверт с датой, временем и другой соответствующей информацией по ее отцу Мику и Бенни, мафиозному боссу, в лицо которого я только что стрелял за угрозы моей семье.

Внедорожник Эбби обычно был припаркован перед моим серебряным Доджем, но его отсутствие было слишком заметно, и моя жена была от этого несчастлива. Мы обменяли Камри много лет назад на черную Тайоту 4Runner, на которой ездила Эбби на ее преподавательскую работу. Она всегда была хороша в числах, и она начала преподавать в математической лаборатории на шестом курсе почти сразу после выпуска.

Колледж показался неделю назад. Вместо общежития и квартиры, мы взяли ипотеку на двухэтажный дом с четырьмя спальнями и два кредита на машины. Харлей был продан, чтобы взять хороший дом прежде, чем близняшки появятся. Жизнь закипела, не успел я оглянуться, и внезапно мы стали взрослыми, принимающими решения, помимо таких как, с кем еще жить.

Эбби положила руку на ее круглый животик, покачиваясь взад и вперед, чтобы облегчить боль в тазу. — Дождь собирается.

- Походе на то.
- Ты просто помыл машину.
- Я возьму твою, - усмехнулся я.

Она зыркнула на меня. – Она только моя.

Я сжал губы, чтобы сдержать улыбку. Мое плечо горело там, где пуля меня задела и прошла сквозь мое сиденье, а моя голова раскалывалась от удара о дерево на обочине шоссе. Я только начал выздоравливать от побоев, которые я получил от людей Бенни на улицах Вегаса, и сейчас у меня были чисто черный глаз и размером в один дюйм вертикальный порез на моей левой брови. Я просто ехал на Эббином внедорожнике, чтобы купить мороженое, как примерный муж, пока также использовал это время, чтобы получить новую информацию о Томасе от Вэл. Карлиси думали, что я был в Калифорнии, так как они пришли сюда первыми, но Вэл сказала, что это место будет важно только до того, пока они не уедут в Окинс. Это было, когда первые пули разбили пассажирское окно в машине.

Эбби была пьяной, но она выбирала быть злой по поводу внедорожника, потому что она не могла быть помешанной на ситуации. Злость была проще страха. Даже после того, как я уже устранил угрозу, я хотел опустошить свою обойму в каждого из них, когда увидел фотографии в автомобиле, который сбил меня на дороге. У них были фото моей жены, моих детей, племянниц и племянников, моих братьев и их жен. Даже Шепли, Америки, их сыновей и моих дяди и тети. Они планировали уничтожить семью Мэддоксов.

Они связались не с той семьей.

- Они заменят машину, - сказал я, пытаюсь скрыть мою нарастающую злость.

- Они не смогут заменить тебя, - сказала она, оборачивая в ее руки свой живот и поглаживая его. – Ты собираешься...?

- Встретить Лиз, когда она приземлится?

- Да, следует. Ей нужно увидеть твой черный глаз и порез на брови, увидеть, что опасность реальна и может распространиться на остальную семью, - сказала Эбби.

- Я не могу бросить тебя здесь одну, Голубка, – заметил я. – Я не понимал, сколько сильно мы привыкли к Лене, пока она не ушла.

Эбби пронзила меня знающей улыбкой. – Ты скучаешь по ней, не так ли? Она та маленькая сестра, которой у тебя никогда не было.

Я улыбнулся, но не ответил. Эбби уже знала, что это было так. Лена была худышкой, еще меньше, чем Эбби. Она была экзотической красоткой, она была ошеломительна, как смерть, взятая под крыло Бюро, чтобы защищать наших детей, даже до того, как они родились. Потому что моя скрытая позиция была нетипична в этом плане, и Бэнни знал, кем я был, где жил и что

у меня есть семья, Бюро принимали дополнительные меры предосторожности. Лена быстро влилась и была огромной помощью для новой мамы с двумя инфантильными близнецами, особенно когда я уезжал. Она была как маленькая сестра для Эбби и меня, и она любила сбивать меня с Эбби. Как тетя детям, она собирала их в парки, на прогулки, играть в машинки и Барби и учила их португальскому и итальянскому. Она даже научила их, как защитить друг друга, что мы сочли не лучшей идеей для Джессики. Я должен был знать, что ни одна моя дочь не будет бояться применить новые знания, если кто-то полезет на ее брата в школе.

Одиннадцать месяцев назад агент Джон Врен заменил Лену. Когда ее внезапно переназначили, мы не знали, куда она собиралась, потому что она была на нервах, когда поковала свои вещи, и опустошена, что у нее не было времени попрощаться с детьми.

- Я не одна, - сказала Эбби, возвращая меня к настоящему. Она указала своим плечом на окно.

Мне не нужно было визуальное подтверждение, чтобы знать, что снаружи был агент Врен в черной машине, и еще два агента где-то рядом. Сейчас мы знали, что вся наша семья была целью, мы были бдительны. Карлиси не были известны своим терпением; они типично атаковали во время малюсеньких проявлениях слабости.

Скорый уезд Лены плохо сказался на детях. Джеймсу начали сниться кошмары, и Джессика пребывала в депрессии на протяжении месяца. Эбби настояла на том, чтобы мы не подвергали Джеймса и Джессику таким страданиям, так что Бюро отправило агента, а мы думали, что дети не привяжутся к нему. Близняшки были достаточно взрослыми, чтобы это было не необходимо для нашего нового охранника, который был подобран из-за его связи с детьми; скорее он был выбран из-за факта, что он был квалифицирован как гиперлетальный. На сегодняшний день Врен был единственным агентом, которого я встречал с такой классификацией.

- Мне все еще не по себе, что он сидит снаружи в этой жаре, - сказала Эбби.

- Его машина с кондиционером, но ты права. Дети привязались ... и он тоже.

Несмотря на то, что Врен был в стороне, дети выросли на нем. Мы были также удивлены, как и он в первое время, что Джессика сбивала его с ног, чтобы обнять. Они светились каждый день, когда они видели его, сидящим снаружи школы, и как каждый день проходил, их принятие и любовь к нему ломала его стены. Как оказалось, это только делало Врена более

решительным для сохранения их жизней, положительный побочный эффект никто из нас не ожидал. Эбби не была счастлива от того, что они выросли с привязанностью, хотя правила изменились. Он сохранял дистанцию, и во второй раз у детей не будет разбитого сердца.